

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES
AND SECURITY

УДК 316.455

РИСКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СТАТУСА БЕЗОПАСНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ

А.В. Мозговая

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук, Москва, Россия,
e-mail: mozgovai@yandex.ru*

Предлагается обоснование оригинального содержания одного из важных понятий социологии риска и безопасности — рискованной коммуникации. Ряд исследователей трактуют рискованную коммуникацию как традиционную модель передачи информации.

Показано, что программы рискованной коммуникации в зарубежной практике строятся на методологии продвижения информации в интересах производителя риска и на основе тех оценок риска, которые имеются у организаторов процесса рискованной коммуникации. Основным постулатом состоит в признании неизбежности той информации о риске, которая продвигается потребителю.

Обосновывается методологическая продуктивность социологической концепции *общения* и концепции *ответственности*. Основным постулатом —

не продвижение нужной производителю риска информации, а создание общего для потребителей и производителя рисков «поля» представлений, оценок, согласованных установок, в конечном счете — «поля» приемлемости риска и статуса безопасности.

Ключевые слова: *рисковая коммуникация, общение, ответственность, приемлемость риска, статус безопасности, адаптация.*

RISK COMMUNICATION AS A MECHANISM FOR TERRITORIAL COMMUNITY SECURITY STATUS FORMATION IN THE PROCESS OF ADAPTATION

A.V. Mozgovaya

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: mozgovai@yandex.ru*

The article presents the rationale for original content of one of important notions of sociology of risk and safety — risk communication. Several scholars treat risk communication as traditional model of information transfer.

It is shown that programs of risk communication in foreign practice are based on methodology of information promotion for the benefits of risk producers and evaluations of risk of communication managers. The main postulate is to recognize the indisputable trustworthiness of the information provided to consumers.

The author substantiates the methodological productivity of sociological conception of *communication* and *responsibility*, where the main postulate is not to provide information, necessary for producers of risk, but to create a common space of representations, estimations of risk and general attitudes, and eventually the space of admissibility of risk and security status.

Keywords: *risk communication, responsibility, risk acceptance, safety status, adaptation.*

DOI 10.14258/ssi(2019)3-6290

Методологическая парадигма рискологических исследований строится на стремлении обеспечить по возможности высокий уровень общественной безопасности, иначе говоря — приемлемый риск. Практика управления различными типами рисков, в свою очередь, ставит задачу создания и апробации продуктивных социальных технологий разработки, принятия и реализации соответствующих решений. Одна из таких технологий была названа рискологами и риск-менеджерами рисковой коммуникацией.

Существуют различные подходы к описанию функций и пониманию структуры рисковой коммуникации. Ряд исследователей трактуют рисковую коммуникацию как традиционную модель передачи информации.

Наличие информации об объекте является необходимым элементом процесса управления. Полнота и достоверность информации в значительной степени обуславливают эффективность управленческого процесса. Коммуникационный процесс достаточно полно описан в классической модели передачи информации от ее источника к конечному получателю. Разработанная в конце 1940-х гг., она до сих пор не потеряла своей актуальности.

Каждое физическое явление, происходящее, к примеру, в природе или имеющее место в технологическом процессе, является источником множества сигналов, улавливаемых его наблюдателями. Трансформацию собранных сигналов в смысловые выражения, формирующие сообщения (*messages*), специалисты считают точкой отсчета коммуникационного процесса.

Сообщение, сформированное источником информации (коммуникатором), посредством каналов связи отправляется получателю (реципиенту), который, в свою очередь, может ответить на данное сообщение, начав обратную коммуникацию или же предприняв какие-либо действия. Само по себе обладание информацией, в частности о рисках, не является способом (механизмом) решения проблем. Индивидуальный или коллективный субъект пользуется информацией для организации определенных действий с целью обеспечения некоторого уровня безопасности. Реакция на имеющуюся информацию, на наш взгляд, представляет собой элемент рискованной коммуникации.

В последнее десятилетие XX в. в практику управления вошли так называемые программы рискованной коммуникации, которые к сегодняшнему дню прошли эволюционный путь от простого информирования населения о рисках до участия граждан в процессе принятия решений в отношении рисков. Программы рискованной коммуникации, таким образом, выступают инструментом управления рисками. Умение пользоваться этим инструментом повышает эффективность управленческой деятельности в отношении рисков, что, в свою очередь, позволяет снизить объемы материальных расходов, обеспечить политическую стабильность в обществе, наконец, спасти множество человеческих жизней при переходе риска в стадию реально-го чрезвычайного события, катастрофы или бедствия.

Программы рискованной коммуникации, получившие свое развитие в начале 1960-х гг., изначально носили односторонний характер. Они разрабатывались для информирования общественности. На первой стадии развития рискованная коммуникация пыталась повысить внимание по отношению к рискам, которые ученые считали высокими. Целью этого этапа было также убедить население в том, что его оценки рисков завышены.

На втором этапе развития стало уделяться больше внимания воспринимающей стороне.

На третьем этапе рискованная коммуникация стала двухсторонней. На этом этапе появляется такая социальная роль, как коммуникаторы. Это люди, которые видели свою роль в организации процесса интерпретации и принятия решений.

На последнем, четвертом этапе рискованная коммуникация стала строиться из следующих процедур: выяснение предмета озабоченности людей; включение их

проблем в оценку риска; помощь им в интерпретации результатов и в поиске способов влияния на решения.

Проанализировав существующие методологические подходы, известные специалисты Р. Касперсон и И. Палмлунд выделили пять «неявных парадигм», в рамках которых на тот период времени строились программы рискованной коммуникации (Kasperson & Palmlund, 1989).

Исследователи, работающие в парадигме *информационных систем*, считают, что рискованная коммуникация не отличается принципиально от любого другого коммуникационного процесса, понимаемого как передача информации из пункта А в пункт Б. Основная задача — обеспечить доставку сообщений с наименьшей потерей информации.

В границах *маркетингового подхода* рискованная коммуникация понимается как комплекс многообразных методов и стратегий, обеспечивающих высокую эффективность рекламы и вследствие этого высокий объем продаж информации о риске, выступающей в роли товара. Рискованная коммуникация в рамках данного подхода рассматривается как метод формирования, регулирования и сегментации рынка информации о риске.

Приверженцы *психологической парадигмы* считают, что эффективность управления рисками напрямую зависит от психологической реакции получателя информации о риске. Они обосновывают целесообразность организации процесса рискованной коммуникации с использованием результатов психометрических исследований таким образом, чтобы у получателя информации сформировались совершенно определенные установки и ценности, обуславливающие «адекватную» реакцию на риски.

Культурологи рассматривают рискованную коммуникацию как один из множества видов взаимодействий и отношений, существующих в человеческих сообществах. Сложившиеся культурные прототипы (в ряде работ они названы картинами мира) определяют образ мыслей отдельных личностей и общественных организаций, заставляя их принимать одни ценности и отвергать другие. Исследователи, работающие в этой парадигме, основывают свои утверждения на концепции М. Дугласа и выделяют несколько культурных прототипов.

Подходы к формулированию целей и функций рискованной коммуникации менялись с течением времени. Известный специалист в области изучения риска, и в частности рискованной коммуникации, Ортвин Ренн (Renn, 1992) определил ее как целенаправленный процесс обмена информацией по поводу уровня и значимости риска для человеческого здоровья и окружающей среды, а также по поводу принятия решений и выбора тактик, нацеленных на управление и контроль за рисками.

В целом принимая это определение, мы, однако, считаем более продуктивным говорить не «об обмене информацией», а о процессе целенаправленного общения социальных субъектов для выработки решений относительно управления рисками и кризисами и, что не менее важно, — для проектирования механизмов реализации этих решений.

В профессиональных научных англоязычных источниках публикации по тематике рискованной коммуникации представлены отдельными работами. Большая

часть имеет контрактно-грантовую направленность, т.е. в них описываются результаты целевых научно-практических проектов, объектами которых были конкретные сообщества, оказавшиеся в ситуациях риска для здоровья населения и окружающей среды или группы потребителей веществ (лекарственных препаратов, пищевых продуктов) с возможным токсическим эффектом. Имеются и работы, рефлексирющие исследовательский опыт и предлагающие ряд общих выводов. Это публикации Винсента Ковелло, Роджера Касперсона, Пола Словика и особенно Ортвина Ренна.

О. Ренн проанализировал работы по тематике рискованной коммуникации, опубликованные с 1982 по 2010 г., и предложил обобщенное представление о характеристиках контекста и функциях рискованной коммуникации (Renn, 2015). Основную цель всех программ рискованной коммуникации он видит в том, чтобы в рамках существующего законодательства получить представление об интересах всех участников ситуации, связанной с риском, и предоставить эту информацию специалистам в области управления (риск-менеджерам) (Renn, 2015: 82). Подчеркивая, что рискованная коммуникация не сотворит чуда, он отмечает, что она поможет преодолеть некоторые барьеры восприятия риска и сделать людей (публику) более разборчивыми в рисках и выгодах относительно той или иной деятельности или продуктов. Информация и диалог, по его убеждению, представляют собой ценные инструменты для формирования и поддержки доверия населения к регулирующим органам и производящим предприятиям (Renn, 2015: 96). Функции рискованной коммуникации сведены им в четыре группы: работа с восприятием (функция просвещения), изменение поведения, завоевание доверия непосредственных потребителей риска (функция строительства доверия), вовлечение в обсуждение акционеров и владельцев, представителей регулирующих риск институтов (функция «участия»).

В соответствии с этими представлениями О. Ренн выделяет три типа контекстов, отличающихся своей спецификой, в соответствии с которой следует строить процесс коммуникации:

- уровень обсуждения риска (фактический, институциональный, ценностный);
- тип участников коммуникации (интерес к предмету обсуждения, специфика аргументов, воздействующих на аудиторию);
- субкультурные особенности (специфические картины мира, от которых зависит восприятие и отношение к риску).

Продуктивной представляется разработка О. Ренна, предложившего различать характер коммуникации (дискурс) в соответствии со степенью сложности проблемы, обусловившей риск. Небольшой по степени воздействия риск следует соотносить с дискурсом, названным условно «инструментальным»; он не требует большого количества участников, результат дискуссии достигается оперативно. Ситуации, характеризующиеся комплексными последствиями, требуют обсуждения, условно обозначенного «познавательным» (эпистемологическим). Такая коммуникация требует научных экспертных данных и участия регулирующих институтов и гражданского общества. Риски, обусловленные высокой степенью неопределенности, требуют рефлексивного дискурса и широкого круга участников, включая акционеров и инвесторов, чтобы понять, при каком уровне возможного ущерба они

готовы рисковать своими средствами. Проблемы, отличающиеся высокой степенью двойственности исходов, требуют «участвующего» дискурса для демонстрации населению и общественникам открытости риск-менеджеров и инвесторов. Каждый тип дискурса требует предварительной разработки, сценарирования.

В отличие от европейской и американской системы управления рисками практика рискованной коммуникации в наших условиях единична. Можно сказать — штучный продукт. Институт риск-менеджмента в зарубежной практике представляет собой посредническое звено между потребителями риска и органами, принимающими решения в области риска. При всех несомненных успехах своей деятельности этот институт сталкивается с серьезными трудностями. О. Ренн называет прежде всего то обстоятельство, что публика не понимает специфики работы риск-менеджеров и характера их полномочий. Ожидания сообществ часто не соответствуют набору управленческих методов и полномочий, доступных риск-менеджерам. Исследователи и аналитики, безусловно, отмечают проблему односторонней направленности деятельности риск-менеджеров в процессе рискованной коммуникации и выход видят в определении содержания и результата их деятельности в сфере рискованной коммуникации как «строительство» доверия потребителей информации о рисках, которая транслируется в процессе рискованной коммуникации. Завоевание такого доверия должно происходить через изменение ценностей и предпочтений, через корректирование восприятия риска.

Анализ достаточно большого количества американских и европейских публикаций по тематике рискованной коммуникации привел автора статьи к убеждению, что программы строятся на методологии информационного «насилия», продвижения информации о риске в интересах производителя риска и на основе тех оценок риска, которые имеются у организаторов процесса рискованной коммуникации. Основной постулат состоит в признании незыблемости той информации о риске, которая продвигается потребителю.

Автор статьи неоднократно участвовал в работе государственных экспертных комиссий по оценке воздействия потенциально опасных предприятий на окружающую природную среду и здоровье населения, а также осуществлял организацию и руководил социологическими опросами населения на потенциально опасных территориях и в зонах экологических бедствий. Довелось и выступать руководителем нескольких проектов, целью которых была коммуникация производителя и потребителей рисков. И экспертная работа, и научно-организационная деятельность по обеспечению рискованной коммуникации строились на основе методологии *социологической концепции общения и социологической концепции ответственности*. Основной постулат — не продвижение нужной производителю риска информации, а создание общего для потребителей и производителя рисков «поля» представлений, оценок, согласованных установок, в конечном счете — «поля» приемлемости риска и общего статуса безопасности.

Социологическая концепция общения требует специального внимания. В контексте данного дискурса важно следующее положение: социальная функция общения состоит в том, чтобы сделать индивидов доступными друг другу через

отчуждение продуктов своего и присвоение продуктов чужого труда. Разность содержания сознания обуславливает потребность сделать себя, свой внутренний мир интересов, представлений, идей, свои социальные взгляды и позиции доступными другим, возникает не только потребность, но и необходимость «общаться сознаниями» (Мегрелидзе, 1975: 136). Средство такого общения — язык. Именно «общение сознаниями», а не обмен информацией и позволяет прийти к определенному пространству «взаимоприемлемости» различных взглядов и позиций, установок и стратегий жизни.

В предметной области социологии риска особый интерес представляют деятельность и отношения, характеризующиеся неопределенностью, потенциальной возможностью ущерба, субъективно переживаемой уязвимостью. Эмпирическую социологию, в частности социологию риска, интересуют факторы, на основе которых в процессе адаптации и достижения приемлемого уровня риска принимается решение к определенному действию в соответствии или против предписанных социальным контролем норм и обязанностей и как следствие — риск за неудачу (неблагоприятные последствия).

Одной из важнейших проблем является выявление факторов, коррелирующих с восприятием и отношением к ответственности социальных субъектов, участвующих (добровольно или принудительно) в коммуникации по поводу управления рисками, в частности антропогенными, технологическими рисками. Наиболее распространенной является ситуация эколого-экономического противоречия, суть которого состоит в несовпадении интересов сохранения окружающей природной среды и здоровья населения на территории размещения потенциально опасных производств и экономических интересов определенных субъектов, в том числе представителей местных территориальных общностей.

Обозначенные выше восприятие и отношение к ответственности в основе своей имеют установку, понимаемую как ценностное отношение к тому или иному социально значимому объекту. Именно установка требует в первую очередь эмпирической интерпретации. В самом общем понимании в отношении риска и ответственности установки можно типологизировать по критерию *принятия* ответственности, т.е. полного и неукоснительного соблюдения обязанностей; *передачи* (уступки, отчуждения) ответственности в пользу другого субъекта деятельности и отношений; частичного или полного *отказа* от соблюдения обязанностей. Принятие и передача ответственности характеризуются безопасностью по отношению к санкциям; отказ представляет собой риск-решение, последствием которого может стать применение различного рода санкций.

Цель рискованной коммуникации в контексте концепции ответственности — обеспечить эффективное управление рисками на основе достигнутого в процессе общения потребителей и производителей риска согласия относительно приемлемого статуса безопасности. Для достижения этой цели необходимо решить ряд основных задач: провести глубокую и всестороннюю диагностику ситуации; довести результаты диагностики до субъектов, причастных к противоречию, требующему управленческих решений; мотивировать их на изменение установок и поведения; создать

условия для конструктивного диалога по проблематике риска и обеспечить участие всех заинтересованных сторон в выработке и реализации решений.

Коммуникация в этом контексте понимается более широко, чем обмен информацией, а именно как процесс социального общения, взаимодействия субъектов социального действия, сущностью которого является предотвращение или минимизация ущерба. Рисковую коммуникацию мы определяем как процесс целенаправленного общения социальных субъектов для выработки решений относительно управления рисками и проектирования реализации выработанных решений.

Мы полагаем, что разработку и реализацию продуктивных моделей рисковой коммуникации можно рассматривать как эффективную социальную технологию управления рисками и кризисами, в частности на уровне территориальной поселенческой общности. Продуктивность моделей рисковой коммуникации мы напрямую связываем с социологической поддержкой, обеспечивающей создание программ социально-экономической безопасности и развития общности, ориентированных на гуманистические ценности и устойчивое развитие.

Социологическую поддержку рисковой коммуникации мы рассматриваем как единство *методологии, методики, техник и процедур*, обеспечивающих социальную направленность решений, вырабатываемых в процессе рисковой коммуникации.

Социологическая *методология* позволяет раскрыть социальный генезис, сущность и функции явления или процесса; ответить на вопрос о том, какой вклад вносит это явление или процесс в социальную динамику, в развитие общечеловеческих ценностей и повышение качества жизни социальных субъектов.

Методика социологического обеспечения рисковой коммуникации видится нам в а) анализе пространства интересов как участников, так и непосредственных субъектов противоречия (кризиса), требующего разрешения; б) определении зоны приемлемости (допустимости) риска для тех или иных социальных субъектов в тех или иных социально-экономических условиях, иными словами — зоны взаимопересекающихся интересов носителей различных позиций; в) проектировании управленческих решений под реальными субъектами с использованием существующих социальных связей и отношений и простраиванием необходимых, которых пока нет в практике управления в данный момент, т.е. в выработке механизма взаимного делового партнерства в социально-экономическом пространстве по типу «выигрыш — выигрыш» в отличие от стратегии «проигрыш — выигрыш».

Техника (технология) социологического обеспечения рисковой коммуникации видится нам в организации целенаправленной коллективной аналитико-проектной деятельности в виртуальном пространстве с выходом на программу реализации проекта в действительной жизнедеятельности.

Процедуры социологического обеспечения рисковой коммуникации сгруппируем следующим образом: а) диагностические — сбор и анализ информации (анализ документов и материалов прессы, опрос, интервью, сбор статистических данных, наблюдение); б) социоинженерные — разработка управленческих решений (рефлексивно-проектные семинары); в) разработочные — создание программы согласованных действий (игропрактика).

Описанные выше представления о содержании и структуре социологической поддержки (обеспечения) рискованной коммуникации являются обобщением многолетнего практического опыта автора статьи, основанного на методологических положениях относительно сущности коммуникации как социального процесса общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Kasperson R.E., Palmlund I. Evaluating Risk Communication. In: V. Covello, D. McCallum, M. Pavlova (Eds.). *Effective Risk Communication. The Role and Responsibility of Government and Nongovernment Organizations*. Springer, Boston, MA, 1989. Pp.143–158.

Renn O. Risk Communication: Towards a Rational Discourse with the Public. *Journal of Hazardous Materials*, 1992, 29(3), 465–519.

Renn O. Risk Communication: Insight and Requirements for Designing Successful Communication Programs of Health and Environmental Hazards. In: R.L. Heath, H. Don O’Hair (Eds.). *Handbook of Risk and Crisis Communication*. Routledge, Talor & Francis, 2015. Pp. 81–99.

REFERENCES

Megrelidze, K.R. (1975). *Osnovnye problemy sociologii myshlenija* (Main problems of the sociology of thinking). Tbilisi: Mecniereba.

Kasperson, R.E., Palmlund, I. (1989). Evaluating Risk Communication. In: V. Covello, D. McCallum, M. Pavlova (Eds.). *Effective Risk Communication. The Role and Responsibility of Government and Nongovernment Organizations* (pp. 143–158). Springer, Boston, MA.

Renn, O. (1992). Risk Communication: Towards a Rational Discourse with the Public. *Journal of Hazardous Materials*, 29(3), 465–519.

Renn, O. (2015). Risk Communication: Insight and Requirements for Designing Successful Communication Programs of Health and Environmental Hazards. In: R.L. Heath, H. Don O’Hair (Eds.). *Handbook of Risk and Crisis Communication* (pp. 81–99). Routledge, Talor & Francis.